

Лондон, Ист-Энд

Это было странное, почти забытое ощущение — находиться в человеческом теле. Чувствовать, как ветер шевелит твои волосы, как ледяная крошка впивается в лицо, слышать стук собственных подошв по булыжной мостовой. Размахивать руками на ходу, привыкать к тому, что теперь шаги твои стали шире.

Лишь несколько минут назад первые тусклые лучи солнца озарили небо на востоке, и на улицах почти никого не было. Время от времени на глаза ему попадались уличные торговцы, с трудом толкавшие свои тележки по заснеженным тротуарам; один раз дорогу ему перешла придавленная нищетой и тяжелым трудом поденщица в переднике и шали, спешившая на работу.

Обходя очередной сугроб, он споткнулся и сердито нахмурился. Это тело было таким слабым, неловким. Дальше так продолжаться не может, сказал он себе. Ему нужна энергия.

Перед ним на снегу промелькнула тень. Старик в рабочей одежде и фуражке, низко надвинутой на лоб, пересек тротуар и нырнул в темный боковой переулок. Он проследил взглядом за прохожим и увидел, что тот уселся на какой-то ящик и привалился спиной к кирпичной стене. Сунул руку в карман поношенной куртки, извлек бутылку джина и вытащил пробку.

Ступая совершенно беззвучно, он зашел в переулок следом за человеком. В эту расщелину, зажатую между

двумя высокими стенами, никогда не заглядывало солнце, и здесь царила почти полная темнота. Пьяница повернул голову и тупо посмотрел на него.

— Т-тебе чего?

В полумраке сверкнул кинжал из адамаса. Снова и снова лезвие вонзалось в грудь несчастного. Из ран хлестала кровь, грязный снег у ног жертвы превратился в багровую жижу.

Хищник присел на корточки, сделал глубокий вдох. Энергия, выделившаяся в момент убийства старика, перетекла в его новое тело через зажатый в руке нож. Хоть какая-то польза от этих жалких смертных, подумал он, поднялся и взглянул на серое небо. Он уже чувствовал себя лучше. Чувствовал себя сильным.

Вскоре он станет достаточно сильным для того, чтобы атаковать своих настоящих врагов. Повернувшись спиной к убитому, он едва слышно прошептал их имена.

Джеймс Эрондейл.
Корделия Карстерс.

1

Силки страстей

«Стареет мир, не старится она;
Спокон веков она мужей влекла,
Улавливая души и тела
В силки страстей, как в наши времена.

Ей любы мак и томных роз цветы;
Кого, Лилит, не зачаруешь ты,
Твой поцелуй и сонных грез настой?»¹

*Данте Габриэль Россетти,
«Телесная прелесть»*

Серый зимний туман накрыл Лондон, словно гигантское одеяло; его бледные щупальца тянулись вдоль стен домов, заползали в переулки, обвивали фонари и деревья. Глядя в окно кареты, Люси Эрондейл с трудом различала за призрачной завесой черные ветви кипарисов. Она ехала по длинной, усыпанной хвоей и мусором дороге, ведущей к крыльцу Чизвик-хауса. Крыша особняка вздымалась над пластами тумана, подобно горному пику, возвышающемуся над облаками.

Девушка выбралась из кареты у подножия парадного крыльца, поцеловала в нос коня по имени Балий, прикрыла попоной его холку и направилась в бывший сад, сплошь заросший колючками. Среди терновника торчали остатки статуй Вергилия и Софокла, опутанные жесткими плетями ползучих растений. Головы и руки поэтов валялись среди сорняков. Остальные скульптуры

---

¹ Перевод М. Квятковской.

были скрыты за разросшимися кустами и низко свисавшими ветвями столетних деревьев, отчего казалось, будто их поглотили хищные джунгли.

Пробравшись через останки разрушенной беседки, когда-то увитой розами, Люси, наконец, приблизилась к цели — старому кирпичному сараю. Крыша постройки давно обрушилась, и при виде ее Люси почему-то пришло в голову сравнение с заброшенной хижинной пастуха, гниющей среди болот. Из дыры в крыше поднималась тонкая струйка дыма. Если бы дело происходило в романе «Прекрасная Корделия», то сейчас на поляну, пошатываясь, выбрался бы безумный, но прекрасный герцог. Но в жизни никогда не случалось такого, как в книгах.

Земля вокруг сарая была разрыта. В течение последних четырех месяцев они с Грейс хоронили здесь результаты своих неудачных экспериментов — тельца несчастных умерших птичек, мышей и крыс, принесенных кошками, которых они пытались оживить.

До сих пор у них ничего не получилось. Кроме того, Грейс не знала всего до конца. Люси не посвящала ее в свою тайну, не рассказывала ей о своей способности повелевать мертвыми. Грейс не знала о том, что Люси пыталась приказывать животным и птицам ожить, пыталась добраться до остатков их «душ», жизненной энергии, уцепиться за что-нибудь, чтобы вернуть их из царства мертвых. Но у нее ничего не вышло — ни разу. Жизненная сила, нечто неуловимое, то, чем могла повелевать Люси, навсегда покидало тела животных после смерти.

Но об этом она не рассказывала Грейс.

Люси мельком взглянула на крошечные могильные холмики, с философским видом пожалала плечами и подошла к массивной деревянной двери. Иногда она задавала себе вопрос: зачем нужна такая внушительная дверь в сарае, у которого нет крыши? Она постучала условленным стуком: один раз, два раза, потом еще один и еще два.

Изнутри донесся звук шагов, затем заскрежетал засов, и дверь отворилась. На пороге стояла Грейс

Блэкторн. Ее кукольное лицо было серьезным, как всегда. Распущенные волосы даже в тумане поблескивали, подобно серебряным нитям.

— Ты пришла, — произнесла она, и в голосе ее прозвучало неприятное удивление.

— Я обещала, поэтому и пришла. — С этими словами Люси протиснулась мимо Грейс.

Сарай состоял из единственного помещения с замерзшим земляным полом. У стены стоял стол, над которым на грубых железных крюках висел фамильный меч Блэкторнов. На столе была устроена лаборатория: ряды перегонных кубов и стеклянных бутылочек, ступка, дюжины пробирок. Остальное свободное место на столе занимали разнообразные кульки и жестянки; некоторые из них были открыты, пустые свалены в кучу.

Рядом со столом в земле была выкопана яма, примитивный очаг, который и являлся источником дыма. Однако огонь горел неестественно тихо, точнее, беззвучно, и в очаге лежали не поленья, а куча камней. Зеленоватые язычки пламени жадно устремлялись вверх, словно желая пожрать железный котел, подвешенный на крюке. В котле шипело черное варево, от которого исходил странный запах — пахло одновременно землей и какими-то едкими реактивами.

Люси медленно подошла ко второму, длинному столу. На нем стоял гроб. Сквозь стеклянную крышку она могла видеть Джесса; он был точно таким же, как в день их последней встречи — белая рубашка, черные волосы, обрамлявшие бледное лицо и спускавшиеся на шею, пушистые ресницы. Глаза умершего были закрыты.

Она не ограничилась птицами, крысами и летучими мышами. В те краткие минуты, когда Грейс отлучалась по какому-нибудь делу и оставляла ее наедине с гробом, Люси пыталась приказать Джессу вернуться в мир живых. Но с Джессом вышло еще хуже, чем с животными. В отличие от трупиков мышей и птиц, тело юноши не было пустой оболочкой — она чувствовала где-то присутствие внутри, она могла «нащупать» жизнь, душу, энергию. Но душа — или нечто иное, что бы это ни было — словно «застряла» между жизнью и смертью, и Люси не могла

призвать ее, заставить покинуть «чистилище». После таких попыток она чувствовала себя слабой и больной, как будто совершала нечто преступное.

— Все равно я не была уверена в том, что ты придешь, — сердито произнесла Грейс. — Я сижу тут уже целую вечность. Ты достала колючее яблоко?

Люси вытащила из кармана небольшой сверток.

— Я с большим трудом сумела сбежать из дома и не могу остаться надолго. Сегодня вечером мне необходимо увидеться с Корделией.

Грейс взяла сверток и резким движением разорвала бумагу.

— Потому что завтра у нее свадьба? Но какое это имеет отношение к тебе?

Люси бросила на Грейс долгий, тяжелый взгляд, но девушка не обратила на это никакого внимания. Люси часто казалось, что Грейс недоступны такие простые человеческие чувства, как дружба, любовь, сострадание, желание помочь близким. По крайней мере, когда речь шла не о Джессе.

— Я поверенная Корделии, — объяснила она. — Я должна вести ее к алтарю, а также поддерживать ее во время церемонии. Сегодня мы с ней едем...

Ее перебило громкое шипение — это Грейс высыпала в котел содержимое кулька. Огонь взметнулся до потолка, помещение наполнил густой дым. Запахло уксусом.

— Вовсе не обязательно мне об этом рассказывать. Я уверена, что Корделия меня недолюбливает.

— Я и не собиралась обсуждать с тобой Корделию, — возразила Люси и закашлялась.

— Во всяком случае, я, будучи на ее месте, наверняка невзлюбила бы соперницу, — усмехнулась Грейс. — Но ты права, нечего говорить об этом. Я пригласила тебя сюда не ради пустой болтовни.

Она не сводила пристального взгляда с котла. Туман, проникавший в комнатку, смешивался с дымом и окутывал фигуру Грейс полупрозрачным плащом. Люси потеряла одетые в перчатки руки, чувствуя, как бешено колотится сердце. Грейс заговорила:

— *Hic mortui vivunt. Igni ferroque, ex silentio, ex animo. Ex silentio, ex animo! Resurget!*

Пока Грейс нараспев произносила слова заклинания, снадобье начало бурно кипеть, пламя зашипело; оно поднималось выше и выше, стало лизать котел. Немного жидкости выплеснулось на пол. Люси инстинктивно отпрянула, когда из замерзшей земли полезли зеленые ростки. Ростки стремительно увеличивались в размерах и за несколько секунд превратились в стебли с листьями и почками высотой почти по колено.

— Оно действует! — ахнула Люси. — И правда действует!

На лице Грейс, обычно холодном и бесстрастном, на миг промелькнуло ликующее выражение. Она шагнула к гробу Джесса...

Цветы увяли так же быстро, как и расцвели, лепестки осыпались. Казалось, время ускорило свой бег. Люси беспомощно смотрела, как желтеют, сморщиваются и падают листья, как стебли высыхают и с треском обламываются под собственным весом.

Грейс, застыв на месте, уставилась себе под ноги, на мертвые цветы, лежавшие в грязи. Потом бросила быстрый взгляд в сторону гроба — но Джесс даже не пошевелился.

Конечно же, он не пошевелился.

Грейс ссутулилась, на лице ее отразилось разочарование.

— В следующий раз я попрошу у Кристофера более свежие образцы, — извиняющимся тоном проговорила Люси. — Или более мощные реагенты. Мы наверняка что-то делаем не так.

Грейс подошла к гробу брата и положила руку на стекло. Губы ее шевелились, как будто она обращалась к умершему с какими-то словами, но Люси не могла слышать ни звука.

— Проблема заключается не в качестве ингредиентов, — наконец произнесла Грейс холодным, ровным голосом. — Проблема в том, что мы в своих действиях опираемся на науку. А ктиваторы, реагенты — все это бесполезно. Наука бессильна в таких делах.

— Откуда тебе знать?

Грейс окинула Люси ледяным взглядом.

— Я знаю, ты считаешь меня дурочкой, потому что я нигде не училась, — сказала она, — но должна тебе сказать, что я все-таки прочитала пару книжек за годы, проведенные в Идрисе. Точнее, я перечитала почти все, что имелось в нашей библиотеке.

Люси вынуждена была признаться себе в том, что Грейс частично права — она, Люси, даже не подумала, что ее «сообщница» может интересоваться книгами или чем-то еще, помимо завлечения в свои сети мужчин и возвращения Джесса к жизни.

— Значит, ты утверждаешь, что на науку полагаться нельзя? И что же ты можешь предложить взамен?

— Ответ напрашивается сам собой. Магия. — Грейс говорила таким тоном, словно объясняла простейшие вещи несмышленому ребенку. — Не такая, как эта — детский лепет, повторение заклинаний из книги, которую моя мать даже не удосужилась спрятать, — презрительно выплюнула она. — Мы должны черпать силу из более надежного источника.

У Люси внезапно пересохло в горле.

— Ты имеешь в виду некромантию. Именно она берет силу в смерти и использует ее для возвращения ушедших.

— Некоторые считают такую магию «черной». Но я называю ее «необходимой».

— Ты удивишься, но я тоже считаю ее черной, — заявила Люси, даже не пытаясь скрыть возмущение. Грейс, видимо, уже все решила, не посоветовавшись с Люси, что противоречило правилам их сотрудничества. — А я не желаю заниматься такими дурными делами.

Грейс раздраженно тряхнула головой с таким видом, словно Люси поднимала шум из-за пустяков.

— Мы должны обсудить это с каким-нибудь некромантом.

Люси обхватила себя руками. Ей почему-то стало очень холодно.

— С некромантом? Ну уж нет. Даже если нам удастся найти черного колдуна, Конклав такое запрещает.

— И не без причины, — резко ответила Грейс, подбирая юбки и собираясь уходить. — То, что мы вынуждены делать, — это не «добро». По крайней мере, не в общепринятом смысле. Но ты ведь давно уже поняла это, Люси, так что можешь прекратить прикидываться, будто ты выше и лучше меня.

— Грейс, нет. — Люси проворно шагнула к двери и загородила собой выход. — Я этого не хочу и не думаю, что Джесс одобрил бы применение некромантии. Разве нельзя поговорить с чародеем? С одним из тех, кто пользуется доверием Конклава?

— Возможно, Конклав им и доверяет, но я — нет. — В глазах Грейс вспыхнули зловещие огоньки. — Я решила действовать сообща с тобой, потому что мне показалось, будто ты нравишься Джессу. Но ты совсем недавно познакомилась с моим братом и не знала его при жизни. Ты не можешь судить о том, что ему нравится или не нравится. Я — его сестра, и я намерена вернуть его любым способом, чего бы это мне ни стоило. Ты понимаешь меня, Люси? — Грейс смолкла и сделала глубокий вдох. — Настало время решать, что для тебя важнее — твои драгоценные принципы или жизнь моего брата.

Корделия Карстерс слегка поморщилась от боли, когда Райза закрепляла в ее прическе черепаховый гребень. Гребень поддерживал тяжелые пряди густых волос цвета красного дерева. Горничная убедила девушку в том, что следует поднять волосы наверх, поскольку такой стиль сейчас исключительно популярен.

— Сегодня не надо так стараться, — возразила тогда Корделия. — Это всего лишь катание на санях. Мои волосы все равно рано или поздно окажутся в беспорядке, и неважно, сколько шпилек и гребней ты в них натыкаешь.

На это Райза ответила неодобрительным взглядом. Видимо, служанка считала, будто молодая госпожа должна приложить больше усилий и выглядеть как можно лучше ради своего жениха. В конце концов, Корделия

выходила замуж не за кого-нибудь, а за Джеймса Эрондейла — завидная партия по меркам Сумеречных охотников и тем более простых людей. Он был красивым, богатым, благовоспитанным, добрым, у него имелись хорошие связи в аристократических кругах.

Корделия знала: нет никакого смысла говорить горничной, что жениху совершенно безразлична ее внешность. Джеймсу было все равно, в чем она придет: в вечернем платье, в лохмотьях, да хоть совсем без одежды, если уж на то пошло. Но объяснять это Райзе было бы напрасной тратой времени. Более того — нельзя было даже заикаться об этом ни единой живой душе, за исключением нескольких посвященных лиц.

— *Dokhtare zibaye man, tou ayeneh knodet ra negah kop*, — произнесла Райза и подала Корделии серебряное ручное зеркало. «Посмотри на себя, моя прекрасная доченька».

— Очень красиво, Райза, — вынуждена была признать Корделия. Жемчужины, украшавшие гребни, составляли живописный контраст с блестящими кудрями, отливавшими рубиновым блеском. — Но ты уверена, что завтра тебе удастся превзойти это творение?

Райза в ответ лишь подмигнула. Хоть один человек с нетерпением ждет завтрашнего дня, подумала Корделия. Каждый раз, когда она вспоминала о собственной свадьбе, ей хотелось выброситься из окна.

Завтра она в последний раз будет сидеть перед зеркалом в этой комнате, пока мать и Райза будут вплетать шелковые цветы в ее тяжелые косы. Завтра она вынуждена будет изображать не только безукоризненно одетую и причесанную, но и бесконечно счастливую невесту. Завтра, если Корделии повезет, большинство гостей будут заняты обсуждением ее платья и не обратят внимания на ее взгляд и выражение лица. Надежда всегда остается.

Райза прикоснулась к ее плечу. Корделия послушно поднялась на ноги и в последний раз набрала в легкие воздуха. Горничная принялась затягивать шнурки корсета, который приподнимал грудь и выпрямлял спину. Цель корсета, с раздражением подумала Корделия, — это ни на минуту не дать женщине забыть о том, что ее

фигура отличается от принятого в обществе стандарта красоты.

— Довольно! — прохрипела она, когда пластины из китового уса врезались ей в тело. — Знаешь ли, я надеялась что-нибудь съесть на вечере.

Райза укоризненно посмотрела на хозяйку, взяла с кровати зеленое бархатное платье и помогла Корделии одеться. Служанка осторожно расправила длинные узкие рукава, разгладила белую пену кружев на запястьях и воротнике. Затем началась длительная процедура застегивания множества крошечных пуговиц на спине. Платье тесно облегалo фигуру, и Корделия знала, что без корсета ни за что не втиснулась бы в него. Когда она подняла руку, чтобы Райза укрепила на спине Кортану, на пальце ее сверкнуло кольцо Эрондейлов, подаренное женихом в день помолвки.

— Мне нужно поторапливаться, — сказала Корделия, когда Райза подала ей маленькую шелковую сумочку и муфту. — Джеймс никогда не опаздывает.

Райза коротко кивнула; этот жест с ее стороны был эквивалентом горячих дружеских объятий.

Да, верно, думала Корделия, поспешно спускаясь по лестнице. Джеймс никогда не опаздывал. В обязанности жениха входило сопровождать даму на вечера и званые обеды, приносить лимонад и подавать веер, а также следить за тем, чтобы во время танцев невеста не осталась без кавалера. Джеймс превосходно играл свою роль. Весь сезон он вместе с Корделией посещал смертельно скучные великосветские сборища, но она редко видела своего жениха вне стен аристократических салонов. Иногда он присоединялся к ней и ее друзьям во время действительно интересных вечеров — например на посиделках в таверне «Дьявол» или на чаепитиях у Анны, — но даже в обществе ровесников он выглядел рассеянным и погруженным в себя. У них почти не было шансов поговорить о совместном будущем, но, даже если бы такая возможность появилась, Корделия не знала бы, что сказать.

— Лейли?

Корделия спустилась в вестибюль, пол которого был отделан изразцами с узором в виде мечей и звезд, и сначала решила, что внизу никого нет. Лишь услышав голос Соны, она заметила мать — та стояла у окна, выходящего на улицу, и тонкой рукой придерживала тяжелую портьеру. Вторая рука лежала на округлившемся животе.

— Это действительно ты, — произнесла Сона. Корделия заметила, что круги под глазами у матери стали темнее. — Куда ты опять уходишь?

— Паунсби устраивают катание на санях на Парламентском холме, — ответила Корделия. — На самом деле, все это ужасно скучно, но Алистер собирается пойти, и я решила составить ему компанию; кроме того, мне нужно отвлечься от мыслей о завтрашнем дне.

Сона заставила себя улыбнуться.

— Волноваться накануне свадьбы — это совершенно нормально, Лейли *joon*¹. Я себе места не могла найти от ужаса в ночь перед свадьбой с твоим отцом. Я едва не уехала на первом поезде в Константинополь.

Корделия вздохнула, и улыбка матери погасла. «О боже», — пронеслось в голове у Корделии. Ведь прошла уже целая неделя после того, как ее отца, Элиаса Карстера, отпустили из Басилиаса, госпиталя Сумеречных охотников в Идрисе. Он провел там несколько месяцев, чтобы вылечиться от алкоголизма — намного дольше, чем они предполагали сначала; всем трем остальным членам семьи Карстерс было прекрасно известно о природе его «болезни», но в разговорах они никогда не касались ее даже намеком.

Элиас должен был приехать в Лондон пять дней назад, но от него до сих пор не было никаких вестей, если не считать короткого письма, отправленного из Франции. Он даже не обещал вернуться ко дню свадьбы Корделии. Положение было неприятным и затруднительным, причем вдвойне неприятным оттого, что ни мать, ни брат не желали обсуждать его с Корделией.

Девушка сделала глубокий вдох и рискнула заговорить:

---

¹ Дорогая (*фарси*).

— *Mātān*. Я знаю, ты еще надеешься на то, что отец приедет до свадьбы...

— Я не надеюсь, я знаю это, — возразила Сона. — Что бы ни задерживало его до сих пор, он ни за что не пропустит свадьбу единственной дочери.

Корделия едва сдержалась, чтобы не покачать головой в изумлении. Как может ее мать до сих пор в это верить? Отец пропустил столько ее дней рождения, даже тот день, когда Корделии нанесли первую руну, и все из-за «болезни». Именно из-за своей пагубной привычки он в конце концов совершил непоправимую ошибку, стоившую жизни многим людям, после чего его арестовали и едва не отдали под суд, а потом заперли в госпитале Идриса. Предполагалось, что к настоящему времени Элиас излечился, но его отсутствие говорило само за себя.

Раздался стук каблуков, и на лестнице появился Алистер, поправляя растрепанные темные кудри. Он выглядел очень изящным в своем новом зимнем твидовом пальто, но впечатление портило вечно недовольное выражение лица.

— Алистер, — обернулась к нему Сона. — Ты тоже собираешься на эту прогулку?

— Меня не приглашали.

— Неправда! — воскликнула Корделия. — Алистер, я же отправляюсь туда только потому, что ты идешь!

— Я решил, что приглашение, к моему великому сожалению, потерялось на почте, — ответил Алистер, небрежно взмахнув рукой. — Я в состоянии сам себя развлечь, матушка. Кроме того, у некоторых из нас имеются неотложные дела. Мне некогда посещать все светские увеселения подряд с утра до поздней ночи.

— Корделия, не докучай брату, — упрекнула дочь Сона и покачала головой. Это показалось Корделии в высшей степени несправедливым — ведь она всего лишь сказала, что Алистер лжет.

Сона потеряла поясницу и вздохнула.

— Мне нужно поговорить с Райзой насчет завтрашнего дня. У нас еще много работы.

— Тебе следует отдохнуть! — крикнул Алистер вслед матери, которая направилась по коридору в кухню.